

- Переводчикова Е.В.** Типология и эволюция скифских наварший // СА. – 1980. – № 2. – С. 23 – 44.
- Плетнева Л.М.** Предметы в зверином стиле в Среднем Приобье // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 235 – 241.
- Радлов В.В.** Сибирские древности // МАР. – 1894. – Т. 15.
- Сергеева Н.Ф.** О химическом составе изделий Корсуковского клада // СА. – 1991. – № 2. – С. 206 – 207.
- Сокровища** скифских курганов: Собрание Гос. Эрмитажа. – Л.: Сов. художник; Прага: Артия, 1966. – 120 с., 331 рис., 23 чертежа и рис.
- Сосновский Г.П.** Плиточные могилы Забайкалья // Тр. Отд. истории первобыт. культуры Гос. Эрмитажа. – 1941. – Т. 1. – С. 274 – 309.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь.** Могильник Маоцзингоу // Ордосские бронзы. – Пекин, 1986 (на кит. яз.).
- Уманский А.П.** Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. – 1970. – № 2. – С. 169 – 179.
- Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В.** Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Ин-т обществ. наук БФ РАН, 1995. – С. 64 – 78.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 1998. – 287 с.
- Чжун Сук-Бэ.** Проблема взаимоотношений племен Северного Китая с племенами Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (на основе сравнительного изучения кинжалов и ножей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 21 с.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 299 с.
- Членова Н.Л.** Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 4 – 42.
- Членова Н.Л.** Предыстория “торгового пути Геродота” (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. – № 1. – 1983. – С. 47 – 66.
- Членова Н.Л.** О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах “скифского мира” // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 7. – С. 49 – 75.
- Членова Н.Л.** Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 91 – 96.
- Членова Н.Л.** Центральная Азия и скифы. – М.: Б.и., 1997. – 98 с. – Т. I: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира.
- Членова Н.Л.** Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. – 2000. – № 1. – С. 90 – 105.
- Членова Н.Л.** Была ли прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа ленская и ангарская тайга? // РА. – 2001. – № 4.
- Andersson J.G.** Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. – 1932. – N 4. – P. 221 – 317, 36 Pl.
- Andersson J.G.** Selectes Ordos Bronzes // BMFEA. – 1933. – N 5.
- Ausstellung** eurasiatisches Kunst (Nomadenkunst und Tierstiel). – Wien: S.n., 1934.
- Janse O.** L'Empire des Steppes et les relations entre l'Europe et Extrême – orient dans l'antiquité // Revue des Arts Asiatiques. – 1935. – Т. 9, N 1.
- Loehr M.** Ordos Daggers and Knives. Pt. II. Knives // Artibus Asiae. – 1951. – Vol. XIV.
- Merhart G.v.** Bronzezeit am Jenissei. – Wien: S.n., 1926. – 190 с.
- Salmony A.** Sino-Siberian Art. – P.: S.n., 1933.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2001 г.

САСАНИДСКОЕ СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО С РЕКИ СЫНЯ*

История открытий восточных серебряных блюд на территории России относится в основном к XIX в., затрагивая преимущественно районы Прикамья и Приуралья. В XX в. впервые блюда и иная утварь VIII – IX вв. были зафиксированы в действующих святилищах обских угров в Нижнем Приобье [Чернецов, 1947; Гемуев, 1988; Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, 2000; Бауло, Маршак, 2001]. Значительные результаты принесли экспедиционные работы летом 2001 г., когда в двух хантыйских поселках Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа удалось обнаружить сразу три серебряных блюда. Данная статья посвящена безусловно самому яркому из них – сасанидскому.

Обстоятельства, связанные с этой находкой, уведат нас во вторую половину XIX в. Прапрабабушка нынешнего хозяина серебряного блюда и ее муж ехали на лодке по р. Сыня из одного поселка в другой. В середине пути они сделали остановку для кратковременного отдыха и вышли на берег; женщина заметила в траве какой-то блеск. Подрыли землю и наткнулись на большой клад: в несколько медных котлов были уложены блюдо, а также литые серебряные и бронзовые фигурки животных, относящиеся к образцам западносибирского культового литья второй половины I тыс. н.э. Поскольку всякая найденная необычная вещь у обских угров считается “посланной

свыше”, новые хозяева включили находки в состав семейных ритуальных атрибутов. В частности, блюдо стало переходить по наследству – от отца к младшему сыну, причем сын при жизни родителя блюда видеть не мог, как и сегодня старшие братья владельца сосуда. Подобная закрытость священных серебряных блюд была характерна и для религиозно-обрядовой практики манси. По сведениям В.Н. Чернецова, в 1930-х гг. серебряное блюдо “с изображением семи человек”, находившееся в домашнем святилище С. Сампильталова в селении Яны-пауль на Северной Сосьве, было завернуто в материю, и хозяин его никому не показывал, даже сыну. Последний мог увидеть блюдо лишь после смерти отца [Источники..., 1987, с. 200].

В доме хозяина вновь обнаруженного блюда отгорожена правая часть сеней, куда женщины не заходят. У задней стены помещения устроена широкая полка, на которой хранится семейная культовая атрибутика. В левом углу полки “усажена” большая фигура в черных одеждах – это *Курпат-ики*, близкий по своим функциям русскому домовому. Справа от него лежит большой холщовый мешок. Внутри находится фигура женского духа-покровителя (“бог” матери хозяина дома), жертвенное покрывало с изображениями семи всадников, ритуальный пояс с фигурами семи птиц (последние два атрибута были в свое время шпиглы для отца хозяина дома – известного на р. Сыня шамана, хранителя крупнейшего регионального святилища) и, наконец, на самом дне завернутое в семь платков серебряное блюдо. На полке также хранят мужской охотничий пояс, одна из подвесок которого представляет собой серебряную фигурку птицы – образец уральского литья VIII – X вв. Фигура *Курпат-ики*, покрывало, пояс, блюдо и серебряная фи-

* Выражаю глубокую признательность профессору Б.И. Маршаку (отдел Востока Государственного Эрмитажа) за консультации и ценные советы при подготовке статьи, возможность ознакомиться с редкими изданиями из его частной библиотеки, за прочтение и перевод надписи на блюде; а также А.П. Бородавскому (Институт археологии и этнографии СО РАН) за ряд оригинальных идей, которые легли в основу данной статьи.

Рис. 1. Серебряное сасанидское блюдо с р. Сыня.

гурка птицы перешли нынешнему хозяину по наследству, как младшему сыну. Причина нахождения столь значимых атрибутов в сених объясняется тем, что локальная традиция запрещает хранить вещь внутри жилого пространства, если она была найдена в составе клада, т.е. «вне дома». Владелец вещей – оленивод, и всю атрибутику (кроме духа-покровителя матери) он перевозит во время кочевания по Полярному Уралу в священной нарте – *ванзее*.

Во время ритуальной церемонии блюдо используют в качестве посуды, в которую кладут жертвенные хлеб, печенье и конфеты. Интересно, что за пять лет, прошедшие после смерти отца, новый владелец ни

разу не вынимал блюдо и даже не видел его. В нем продолжало храниться немного печенья и бумажные деньги, оставшиеся от последнего обряда.

Перейдем к описанию блюда (рис. 1). Это изделие с утолщенным округлым внешним краем имеет кольцевую ножку. Диаметр блюда 22,2 см, высота 4,8 см, ножки – соответственно 7,5 и 1,2 см, вес 864 г. Основные технологические приемы при изготовлении блюда включали ковку, литье, чеканку, гравировку, золочение (часть позолоты утрачена). Высокий рельеф основных деталей лицевой стороны изделия подчеркнут применением накладных пластин (голова царя, волосы, корона с шаром, одежда царя; колчан;

Рис. 2. Фрагменты изображений на блюде.
а – фигура царя, б – голова царя, в – крылатый “гений”.

Рис. 3. Фрагменты изображений животных на блюде.
а – верхний бык, б – нижний бык.

тело верхнего быка, исключая хвост, левые переднюю и заднюю ноги, левый рог; тело нижнего быка, за исключением ног, хвоста и правого рога; фигура крылатого юноши; листья куста).

Царь сидит на скачущем “летающим” галопом зебувидном быке, держась левой рукой за его рог, при этом копьем в правой руке поражает другого зебувидного быка, изображенного в нижней части блюда (рис. 2, а). Голова царя показана в три четверти оборота (рис. 2, б), торс – в фас, ноги – в профиль. Вокруг головы нимб. В короне видны три зубца, между двумя передними – полумесяц, под ним, видимо, крепление квадратной формы с круглой ямкой в центре.

Над тульей на округлой небольшой ножке рельефный дольчатый шар (по мнению П.О. Харпер, подобная форма могла создавать впечатление бутона цветка [Harper, Meyers, 1981, p. 61]). Развевающиеся ленты отходят от шара короны и обруча на шее. Диадема и обруч проработаны пунсоном. Волосы показаны крупным шаром ниже правого уха с серьгой – массивной круглой подвеской. Конец небольшой окладистой бороды перевязан лентой. Видно, что верхнее одеяние выполнено из тонкой складчатой ткани, а шаровары образуют множество складок и у щиколотки перехвачены двумя бляшками и лентой, на груди – апезак с круглым медальоном, пояс с двойной пряжкой.

Носок ступни в мягкой обуви оттянут вниз. На пальцах левой руки пунсонными кружками показаны ногти, при этом “кружок” ногтя на указательном пальце левой руки лишний: в данном положении кисти его увидеть нельзя. Сзади на поясе у царя на ремне висит меч – видна его рукоять с прямой перекладиной. С португалии свисает колчан, лицевая поверхность которого разбита на шесть секций: в пяти – цветок с горошиной внутри, шестая украшена жемчужинами.

На бедре верхнего быка круглая ямка, возможно, след от крепления одной из деталей украшения фигуры животного. Нижний бык показан в предсмертной агонии, голова безжизненно опущена вниз, но кисть хвоста еще не упала. Над левым глазом кружок с точкой. Фигура быка покрыта розетками в виде сложного креста (рис. 3). Крупные кисти хвостов быков украшены волнистыми продольными линиями. Суставы ног животных подчеркнуты кружками. Показаны гениталии.

В правой верхней части блюда фигура крылатого обнаженного юноши (“гений”), подносящего царю ленту (см. рис. 2, в). Посередине нижней части четыре холма и куст с тремя листьями.

На блюде видны следы более поздних гравировок, в частности, над рукоятью меча вырезана длинная фигура птицы с “линией жизни” внутри, перед “гением” изображена пара оленей. Сибирский (или уральский) мастер выбрал для них место, возможно, не случайно: ленты в руках крылатого юноши были поняты им как аркан.

На обратной стороне блюда в центре круговой ножки вырезана пятиконечная звезда, за пределом ножки процарапана надпись *jâ-m- i fizzaḥ* “чаша из серебра”. Она выполнена арабскими буквами курсивом IX – X вв., видимо, на новоперсидском языке одним из поздних среднеазиатских или иранских владельцев сосуда (надпись прочитана и переведена Б.И. Маршаком). Следовательно, блюдо не могло оказаться в Сибири ранее IX в.

Обратимся к фигуре царя. Перед нами, скорее всего, шах Ирана Ездигерд I (399 – 421). Он царствовал в нелегкое для Ирана время, когда разгорелась борьба между центральной властью и крупными землевладельцами. В поисках союзников шах решил опереться на христиан. Они получили право строить церкви, свободно передвигаться по стране и проводить богослужения. Шах стремился к мирным отношениям с Византией и видел в иранских христианах связующее звено между двумя государствами. В итоге христианские авторы прославили Ездигерда как справедливого царя, тогда как в официальной сасанидской традиции он получил прозвище “грешник”. Только к концу царствования Ездигерд изменил отношение к христианам и предпринял против них ряд репрессий. Смерть шаха во время посещения им северо-во-

сточной провинции окутана тайной: согласно легенде, из источника выскочил необыкновенной красоты конь, который никого к себе не подпускал, и ударом копыта в грудь сразил насмерть приблизившегося к нему Ездигерда. В литературе высказывалось предположение (Т. Нельдеке), что легенда была создана знатно, чтобы скрыть совершенное ей убийство шаха [Дьяконов, 1961, с. 272 – 273].

На сасанидских монетах Ездигерд I изображен в короне с зубцами, полумесяцем между ними и шаром [Sasanian Silver ..., 1967, p. 158, N 82, I]. Подобную корону мы видим и на блюде. Однако шар с вертикальными желобками в короне шаха на сасанидских монетах неизвестен. Редко встречается он и в коронах царей, изображенных на блюдах. А. Гантер и П. Джетт упоминают лишь четыре подобных экземпляра: два блюда из Галереи Фрир (запечатлевшие Шапура II и, по их мнению, Пероза / Кавада I), по одному из Метрополитен-музея и Эрмитажа (с изображениями соответственно Ездигерда I и Варахрана, “царя кушанов”) [Gunter, Jett, 1992, p. 108]. Ряд исследователей, основываясь на присутствии рельефного шара в коронах правителей на кушано-сасанидских монетах, трактует его как символ владения Сасанидами кушанскими землями [Harper, Meyers, 1981, p. 61]. Другие авторы говорят о первоначальном сасанидском происхождении шара и его более поздней кушано-сасанидской имитации. Э. Херцфельд считал шар частью военной формы шаха – деталью скорее боевого шлема, нежели короны [Gunter, Jett, 1992, p. 108].

Обратимся к блюду с фигурой Ездигерда I, убивающего оленя, которое хранится в Метрополитен-музее [Harper, Meyers, 1981, Cat. 16]. Между ним и блюдом с р. Сыня существует определенное сходство. Оно выражается в приблизительно равных размерах изделий (22,2 и 23,4 см), использовании накладных пластин, в изображении корон, способе передачи бороды и волос, одинаковых лентах, спускающихся ниже носка обуви. Совпадает оформление нимба (внутри круга группы из трех кружков, каемка пройдена круглым пунсоном). Нимб вокруг головы шахиншаха являлся символом “Хварены (божества счастья) Кейанидов”. Начиная с IV в. Сасаниды связывали свое происхождение с древней “праведной” династией Кейанидов [Тревер, Луконин, 1987, с. 57].

В обоих случаях Ездигерд вооружен необычным копьем. По мнению П.О. Харпер, оно имеет наконечник в виде полумесяца [Harper, Meyers, 1981, p. 63], однако, судя по блюду с р. Сыня, следует внести уточнение: копье скорее похоже на двузубец – стандартный прямой наконечник копья уже вошел в тело быка, тогда как второй наконечник в форме полумесяца, видимо, выполняет сдерживающую роль, позволяя охотнику после нанесения удара легко выдернуть копье из тела животного. Можно предполагать и второе

назначение наконечника-полумесяца: охотник мог поддевать им тело убитого животного (правда, значительно меньших размеров, чем бык) для последующей переноски. Так или иначе, перед нами скорее не столько боевое оружие, сколько охотничье.

Между рассматриваемыми экземплярами существуют и различия: на блюде из Метрополитен-музея волосы у Ездигерда показаны с двух сторон головы, не подвязана борода, иная ручка копья. Ездигерд на сынском блюде изображен без лент диадемы, так как их несет “гений”, не показаны ленты апезака и пряжек, использованы сплошные (а не фрагментами) накладные пластины для передачи фигур.

В любом случае обнаружение блюда на р. Сыня важно в плане окончательного определения подлинности блюда с Ездигердом из Метрополитен-музея. Оно было приобретено достаточно недавно, и вполне обоснованное беспокойство В.Г. Луконина, связанное с существованием широкого рынка подделок сасанидского серебра [Тревер, Луконин, 1987, с. 41], распространилось в равной степени и на него. Совпадение таких исключительно редких деталей, как наконечник копья и специфическая орнаментация тел нижнего быка и оленя на двух блюдах, свидетельствует о подлинности экземпляра из американского музея.

В плане сравнения интересным кажется и серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II на кабанов [Смирнов, 1909, № 57; Gunter, Jett, 1992, Pl. 13], которое хранится в Галерее Фрир. Оно близко к сынскому блюду по диаметру и весу. Есть у них и совпадающие детали: “летающий” галоп, способ изображения ног (у быка и коня, у второго быка и нижнего вепря), и в частности показ суставов ног животных кружками, расположение ног убитых вепря и быка, цветков в верхней зоне лицевой стороны колчана Шапура и в пяти секциях на колчане Ездигерда, расположение мечей и ремней, на которых они висят, рукоятки мечей и их навершия (шар и две поперечные полоски), форма колчана, орнаментация продольными волнистыми линиями кистей конской упряжи и хвостов быков. Можно с уверенностью говорить о том, что три рассмотренных блюда принадлежат к одной школе, если вообще не к одной мастерской, а их изготовление разделено не столь большим сроком.

Как известно, использование техники крупных накладных пластин являлось характерной чертой дворцовой, или центральной, школы в сасанидском Иране. Данная техника сопровождалась не слишком дробной детализацией, тщательностью выполнения, немалым весом изделий и стандартизацией размеров. Самые ранние примеры – блюдо с изображением Хормизда II (?) из Кливлендского музея и блюдо с фигурой Шапура II на олене из Британского музея. Оба датируются IV в. [Тревер, Луконин, 1987, с. 55]. Если же считать экземпляр из Кливленда поздней репли-

кой, то можно предполагать, что первым известным блюдом с символической композицией – охотой царственного всадника на льва – является блюдо из Тегерана (археологический музей, IV в.) [Там же, с. 54, 56, 57]. По крайней мере, с первого десятилетия IV в. героем царской охоты становится шахиншах Ирана. На блюде из Тегеранского музея можно видеть детали, ставшие затем хрестоматийными: большие накладные пластины, показанные кружками суставы ног животных, цепь гор, “летающий” галоп коня, подвязанная борода царя. Все это есть и на вновь обнаруженном блюде. Представленный на нем “гений” также появляется в искусстве Сасанидов достаточно рано. Например, на скальном рельефе в Бишапуре, где показаны Шапур I и римские императоры, изображен слетающий к царю обнаженный мальчик с лентами власти (на блюде с р. Сыня похожи поза юноши и способ несения ленты). По мнению В.Г. Луконина, перед нами “вполне римская по стилю фигура летящего гения с победным венцом... Уже канонизированы отдельные детали: поза ноги с оттянутым вниз носком... борода, пропущенная через кольцо... С этого момента закрепляется система складок на шароварах” [Луконин, 1977, с. 182, 185].

Есть еще одно блюдо (меньших размеров), сопоставимое в отдельных деталях с сынским. Речь идет о блюде из Галереи Фрир, на котором запечатлен шах, охотящийся на горных баранов [Gunter, Jett, 1992, Pl. 14]. По особенностям короны изображение идентифицируется с Перозом или Кавадом I. Как отметили А. Гантер и П. Джетт, у шаха весьма необычные ленты в форме листьев, идущие от обуви, такие же у Ездигерда, изображенного на блюде из Метрополитен-музея [Ibid, p. 115], а также, как мы видим сейчас, и на сынском. С последним блюдо из Галереи Фрир сближает форма колчанов, рифленый шар в короне, орнаментация кисти, подвешенной к седлу (на сынском блюде так оформлены кончики хвостов быков). Собственно, и корона на блюде из Галереи Фрир более напоминает головной убор Ездигерда I, что, по мнению Б.И. Маршак (высказанному в устной беседе), может свидетельствовать об изображении именно этого шаха (с соответствующим отношением изготовления блюда к началу V в.). Данная атрибуция мне кажется правильной.

Сынское блюдо имеет и ряд сюжетных параллелей в сасанидском искусстве. Охота царя на быка-зебу представлена на блюде, которое хранится в частной коллекции в США. Его датируют V в. [Marschak, 1986, S. 428] или VI – VII вв. [Harper, 1978, p. 58]. Б.И. Маршак обратил мое внимание на то, что три листа на одной ножке и фигура зебувидного быка украшают стенки серебряного иранского ритона IV в. (?) в виде головы антилопы (The Arthur M. Sackler Collection) [Ibid, p. 36 – 37].

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, какой смысл мог вложить заказчик в сюжет блюда. Нередко на сасанидских сосудах в сцене охоты животные показаны дважды – живыми и убитыми [Тревер, Луконин, 1987, с. 55]. В сюжете на сынском блюде шах, сидящий на спине первого быка, поражает копьем второго. Возможна различная интерпретация этого эпизода. Во-первых, речь может идти о простом охотничьем сюжете: демонстрируется особая удалость царя, вскочившего на спину одного быка и нанесшего удар другому. То, что Ездигерд держит копье одной рукой, а не двумя (как, например, на блюде из коллекции эмира Бадахшана [Harper, Meyers, 1981, p. 55, Pl. 11]), объясняется спецификой сцены: левой рукой он схватился за рог быка, пытаясь удержать равновесие. Более того, перед нами скорее не столько охота, сколько битва шаха против двух быков (в подражание римским цирковым поединкам). В ней он отстаивает право на занятие престола и законное получение знаков власти от небесных богов. В этом случае шах мог быть вооружен не боевым копьем, а оружием-двузубцем, приспособленным для выступления на арене. Тогда легче объяснить и столь необычное покрытие тела нижнего быка крестообразным узором* (церемониальное животное с накидкой на спине?). Размышляя в данном направлении, можно предположить, что Ездигерд I имел особое пристрастие к необычным животным и это было хорошо известно в Иране. Тогда, возможно, неслучайно оружием его убийства, по легенде, было выбрано животное – чудесный конь. Смерть шахиншаха “на охоте” показана правдоподобной его подданным.

Во-вторых, вслед за В.Г. Лукониным, в сюжете блюда можно увидеть тему зороастрийской символики, когда царская охота олицетворяет высокие божественные достоинства царя царей. Охота царя на животное была способом приобретения неких качеств последнего. В авестийских текстах сохранились рассказы о борьбе за обладание качествами зороастрийских божеств в их животной ипостаси – силой, непобедимостью и удачей. Зримое воплощение божества нужно было “добыть”, схватить. В качестве примера В.Г. Луконин упоминал рельеф в Сар-и Мешхеде, который он трактует следующим образом: Варахран II, убивая льва, приобретает царское достоинство. Символикой блюда из Галереи Фрир с изображением Шапура II могла быть борьба за обладание ипостасью (и качествами) бога победы и войны – Вретрагны [Тревер, Луконин, 1987, с. 56, 57, 59]. Как известно, зебувидный бык был

воплощением “первозданного быка”, зороастрийского божества [Луконин, 1977, с. 209]. Возможно, что за обладание качествами этого мифологического персонажа сражается шах в сцене на сынском блюде.

В развитие данного сюжета следует обратить внимание на то, что на блюде с изображением Ездигерда из Метрополитен-музея представлен весьма необычный олень, тело которого покрыто специфическим орнаментом, состоящим из цветков двух размеров. Олень, кроме этого, показан одного роста с шахом и его рога находятся прямо напротив короны. Возможно, таким образом подчеркивается величина и мощь божества (равного шаху), которое представлено в образе животного.

В-третьих, стоит напомнить точку зрения на сцены охоты, высказанную К.В. Тревер. Она предполагала, что в ряде случаев шах сам выступал заказчиком блюд, т.е. был автором сюжета. Изображая себя в борьбе со зверями, он сближал свой образ с изображением бога (например, в сцене убийства Митрой первородного быка) – борца за светлое и доброе начало против мрака и зла. Таким образом, сцена охоты могла быть символическим отображением дуалистического мировоззрения зороастризма [Тревер, 1939, с. 247 – 249]. В этом плане характерна особенность сюжета сынского блюда: шах вскочил на спину одного быка и убивает другого. На память приходит блюдо с изображением Шапура II на олене (из Британского музея). Данная композиция считается уникальной для торевики. Аналогичная композиция известна на шутовой панели из Чал Тархана (вторая половина VII – первая половина VIII в.), где представлено мужское божество с лучистым нимбом, вскочившее на оленя [Harper, 1978, p. 116]. Эти изображения, по мнению О. Грабара, могут указывать на существование рассказа о своего рода жертвоприношениях, напоминающего митраистскую тематику [Sasanian Silver ..., 1967, p. 54 – 55]. Можно предположить, что и в сюжете на сынском блюде охота представляет собой одновременно жертвоприношение быка. В этом смысле шах мог ассоциироваться с Митрой.

Заканчивая рассказ о новой находке, хочется напомнить, что это первое иранское сасанидское блюдо, обнаруженное в Западной Сибири. До него было известно лишь блюдо-дискос с ангелами по сторонам креста, выполненное сирийцами-несторианами в VI в. в принадлежавшей Ирану Месопотамии [Сокровища Приобья, 1996, № 25]. Блюдо с изображением Ездигерда I и двух быков является блестящим образцом классического сасанидского искусства, оно полно загадок и неожиданных деталей. Разгадывать их, уверен, с большим интересом будет не одно поколение исследователей.

* Мотив крестообразной фигуры встречается еще на пазырыкских коврах [Руденко, 1960], а также на шутовом панно и изделиях из шелка в сасанидском Иране [A Survey ..., 1938, p. 173, 200].

Список литературы

- Бауло А.В.** Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 143 – 153.
- Бауло А.В., Маршак Б.И.** Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133 – 141.
- Гемуев И.Н.** Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1988. – № 3: Сер. истории, филологии и философии, вып. 1. – С. 39 – 48.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Дьяконов М.М.** Очерк истории древнего Ирана. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 444 с.
- Источники** по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – 280 с.
- Луконин В.Г.** Искусство древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. Имп. археолог. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.
- Сокровища Приобья.** – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.
- Тревер К.В.** Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // ТОВЭ. – 1939. – Т. 1. – С. 243 – 254.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III – VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 157 с., 124 ил.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113 – 134.
- A Survey of Persian Art.** – 1938. – Vol. 4.
- Gunter A.C., Jett P.** Ancient Iranien Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and the Freer Gallery of Art. – Washington: Smithsonian Institution, 1992. – 272 p.
- Harper P.O.** The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. – Mount Vernon, N.Y.: The Asia Society, Inc., 1978. – 176 p.
- Harper P.O., Meyers P.** Silver Vessels of the Sasanian Period. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art and Princeton University Press, 1981. – Vol. 1. – 256 p.
- Marschak B.I.** Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 438 S.
- Sasanian Silver: Late Antique and Early Medieval Arts of Luxury from Iran.** – Michigan: The University of Michigan Museum of Arts, 1967. – 160 p.

Материал поступил в редколлегию 22.10.2001 г.